

МАРИЯ ФАРГИ

Время потерь

**Стихотворения
Поэма
Переводы с грузинского**

В сборник вошли стихотворения 1999-2009 годов

Тбилиси 2009

**Автор выражает благодарность Бетановой Ивете
за помощь в издании этой книги.**

*
* *

Снова в невесомости душа...
Я уже привыкла не дышать.

А в моём растерянном саду
Падают деревья в высоту.

Беспощадно обнажает свет
Под глазами отпечаток лет.

Рвёт пространство старенький регтайм.
И, своих не раскрывая тайн,

Прячет в отражении стекло
Профиль твой и ангела крыло.

ISBN 978-9941-0-1571-7

© Фарги Мария. 2009 г.

С л о в о

Я библию толкую вольно.
Я выбираю тмин из плова.
Должно быть, Богу стало больно,
И родилось из боли – Слово.

И стало Слово биться в Бога,
Как бабочка ночная в стёкла.
Гудело Слово: – Аз есмь Логос...
И надоело – чуть не проклял!

И, просто, чтобы отвязаться,
Из глины Бог слепил поэта,
И Слово вдул в пустые пальцы,
И приказал молчать об этом.

Рождественский сонет

И, как цветок, я повернулась к солнцу,
Ломая основанье стебелька.
Держала крепко верная рука
И землю подо мной, и свет в оконце.

Бог знает, из какого далека
Заблудшие в дом возвращались овцы.
Сияла серебром вода в колодце,
И плавали по краю облака.

Рассеянно во сне скрипели двери.
За ними ложь сама жила когда-то,
И каблучки стучали виновато.

Ещё не люди, но уже не звери,
Двухтысячную праздновали дату.
А день сулил награду и расплату.

*
* *

В твоих глазах и точки нет от правды.
В них искры смеха, звон пустых бравад.
Вообразить – как черти будут рады,
Когда меня к ним приведёшь ты в ад.

Но ты веди послушницу смешную,
Что святость предпочла твоим пирам.
В канаве на твоём плече усну я.
Мне будет там – дворец и дом, и храм.

Не ропщет на свою судьбу убогий.
Голодный сокол не клюёт зерна.
И я клянусь, что до конца дороги
Я буду только вымыслу верна.

Сонет о славе

Целовал меня в губы агатовый август.
Жгучей влагой желанья сжигала жара.
Я, беспутная, лёгким движеньем пера
В благодарном порыве марала бумагу.

И внимал мне лишь мраморный пьяненький Бахус.
А сегодня достойных ценителей ряд
Обсуждает мой голос, причёску, наряд...
И готовит мне, бедной, венок или плаху.

И теперь мне писать всё с оглядкой на них?
Я, неверная, вырвусь – приди только стих! –
Целоваться с апрелем, раз август притих.

*
* *

Не верь мне, что близится время потерь.
И ветреным вечером, верой убитый,
В канаве ворчал недопитый апрель.
И что не люблю тебя больше – не верь.
Душа твоя – храм мне, а имя – молитва.
Свершилось, что должно. И с Богом мы квиты.
И завтра умру я. Но ты мне – не верь!

*
* *

Узнала ткань цыганской шали
Жестокость колкого жнивья.
Меня вели и утешали
Четыре пьяных муравья.

Я всё на свете потеряла,
Тетраточку стихов храня.
Как славно мне её читали
Четыре пьяных муравья...

А сердце плакало о счастье,
И что оно – не для меня.
И в этом приняли участие
Четыре пьяных муравья.

Мы пели, прыгали, летали
От полновластья бытия!
Под вечер от меня устали
Четыре пьяных муравья.

Мистический сонет

Зеркала, зеркала, зеркала...
За унылой, за мутной гладью
Ведьма суженого не ждала
Звёздной полночью в чёрном платье.

Пели звонкие колокола.
Вышит сон мой был чудной гладью.
А потом я себе солгала,
Что владею особой статью,

И особый мне дан Закон,
И особое ведомо знание –
Душ касаться спасающей дланью...

Сбылся, сбылся проклятый сон!
Ждёт меня за невидимой гранью
Недоступный, единственный – Он.

*
* *

Точка. Рядом дышит дочка.
До последнего листочка
Не смогу тебя забыть.

Люди, кто меня осудит?
Утром солнышко разбудит...
Только б не казаться – быть!

Здесь училась я любить.
Собираюсь понемногу
В дальнюю дорогу. К Богу.

Цепи золотой арбы.
И венком терновым строчка –
Рядом дышит дочка. Точка.

*
* *

Всё будет хорошо, любимый...
Прозрачный взгляд куда-то мимо.
Обещанное выполнимо,
Наверно, лишь на небесах.

Прости мне чёрное проклятье
На свадебном, на белом платье.
Последний волк сегодня плачет
В покинутых луной лесах.

*
* *

Столько нежности мне не вынести!
Стану сны хранить и венки плести.

Потеряла я в переулочке
Ключ от полной чудес шкатулочки.

Было? Не было? Только помнится,
Что заветное – не исполнится.

Время всё быстрее – месяц к месяцу...
И, когда в окне звёзды светятся,

Чую венами и аортою –
Не живая я, и не мёртвая.

*
* *

Плачет чёрная царица –
Возлюбила небылицы:
В полночь – тёплый шорох трав,
Дом, в котором каждый прав,
Опрокинутые лица
Страстью пьяных до утра.

Стонет красная царица,
Ей сегодня снова снится
Злая нежность топора
К шее, сломанной вчера,
Земляничный запах ситца
У забытого костра.

Дышит белая царица...
Вам – грешить, а ей – молиться.
Это – страшная игра.
И, когда молчать пора,
Пьёт из тьмы больная птица
Песню кончиком пера.

*
* *

Тебя и в самом деле больше нет.
Не хоронила. Траур не носила.
Слезой не застилала белый свет
Над прибранной ухоженной могилой.

И, не скупясь, молитв за упокой
Не покупала в храме придорожном
В щемящем страхе за ночной покой.
В тоске уста не оскверняла ложью,

Что буду век чиста. И ни судом,
Ни карой божьей гневно не грозила
Наследникам. Но где теперь мой дом?
И **ч т о** черты твои преобразило?

Сонет

Облака – как сахарная вата.
Самое плохое позади.
Как-нибудь потом ко мне зайди.
На Земле смешно бояться ада.

На своей подушке разбуди.
С этим сердцем никакого сладу...
Вспоминать – горчайшая услада.
Не с пути, так хоть с ума сойти!

Утонуть в пространстве голубом,
Видеть мысли под прозрачным лбом,
Уничтожить самый смысл потери.

Впасть в тебя, как в океан река,
Сладкие потрогать облака,
И, как в первый день, тебе поверить...

*
* *

Молчи, любимый! Это сберегу
Одна, на том, на дальнем берегу.

Я с именем – нельзя шепнуть в бреду –
Тропинками окольными бреду.

Соврал февраль, миндаль расцвёл не в срок...
Кого винить – погоду или рок?

*
* *

Почему мне так грустно?
Вишни светятся вкусно...
Люстра прячет искусно
Ржавый крюк в потолке.

Почему мне так грустно?!
В доме чисто и пусто.
И озноб от капустной
Кочерыжки в руке.

*
* *

Прощай. Твой виноватый взгляд
Участием мне сердце рвёт.
День без надежды – стыл и клят,
И горек – поминальный мёд.

Но кто посмеет мне помочь
Над бездной, что меня влечёт!..
Как микеланджелова Ночь,
Целую я своё плечо.

*
* *

Инге Апиани

От зла и предательств смертельно устав,
Стандартные слушая враки,
Всё грезит она о прелестных устах
И юном пришельце во фраке.

Наивная ведьма чертовски мила
Глазами подстреленной лани.
Её по ночам выручает метла
И Лысой горы сияние.

Летит, поспешая, на призрачный пир.
Почти растворившись в тумане,
Её обнимает голодный вампир.
Он – ласковый. Он – не обманет.

*
* *

Хорошо бы не проснуться...
У порога ивы гнутся.
И луна висит, как блюдце,
Над оранжевым окном.
Равнодушно дышит дом.
Хорошо бы не проснуться
И во сне щеки коснуться.
Раны затянуло льдом.
И забыть, забыть о нём!
Хорошо бы не проснуться.

*
* *

Скошенным жалким перстом
Лоб осенив, ловлю я
Воздух покрашенным ртом –
Смилуйся... Аллилуйя...

Как равнодушна высь
К колоколам престольной.
Боже, прошу, нагнись
И посмотри – мне больно!

Ты, нас учивший любить,
Вещь мне скажи простую:
Смог он меня позабыть
И обнимать другую?

*
* *

Мне не надо предлога,
Чтоб прийти и молчать.
Здесь рождается Логос
И трепещет свеча.

Тварь дрожащая смысла
Не постигнет. Слова
Превращаются в мысли.
Сумасбродит сова.

За порогом стихия –
Молний синий оскал.
Насыщаю стихи я
Твоей кровью. – Устал?..

Заплачу я за встречу
Горькой складкой у рта.
А за облаком вечность
Приоткроем врата.

И ю л ь

Улетели ласточки в июле.
Солнце беспощадно выжгло розы.
В белый свет копеечные пули –
Все мои нелепые вопросы.

Я простила сырости апреля.
Я тебя не прокляла в июне.
Всё мечтала, что июль согреет...
Ах, зачем я родилась в июле?!

Мама травы жёлтые косила.
Мама в животе меня носила.

Сонет

И ты поверил, что *так надо*.
Во сне кромсал его мечом.
И всё вам было нипочём,
Нечаянным посланцам ада.

Он был тебе отцом и братом.
Ещё он был твоим плечом.
Жить, не заботясь ни о чём, -
Не высшая ль твоя награда?

Он догадался. Мог убить.
Но... предпочёл убитым быть.
Теперь он Цезарь, ты же – Брут.

Ты не учёл такую малость...
Он гений. Ты – всего лишь! – зависть.
Про остальное люди врут.

*
* *

Открыты ворота – беда с поворота!
Пустых огорчений весёлая рота.

Висят неотвязно, долдонят о разном,
Прислушаться – жизнь прожила я напрасно.

Во сне не летала, любила несмело,
Тебя под венец подвести не сумела.

Венера остыла, Венецию смыло,
И шило никто не менял мне на мыло.

Но снова, как в детстве игрушку – у мамы,
Пред вечностью Бога прошу я упрямо

Оставить мне то, о чём суетно пела,
И тёплую тяжесть любимого тела.

Муза

Пришла, присела на крылечке,
Задумчиво глядела вдаль.
Гудело пламя в ржавой печке.
И стало ничего не жаль.

Ловила дождь пустой ладошкой,
Своя земле и небесам.
И злобой истекала кошка
Сквозь вертикальные глаза.

Я стать её сестрой хотела,
Как в сказке – “Отворись, Сезам!” –
Но печка сладко грела тело,
И кошка льнула – не отдам...

*
* *

Я упала с луны
и, пока я летела,
Стало тёплым моё
белокрылое тело,
А потом говорить
научились глаза,
Потому я теперь
не могу рассказать,
Как упала с луны
и за кем я летела...

Сонет

И снова горестен мой хлеб.
Скудна вода. И я устала
Упрямо начинать сначала.
И стих мой тёмен и нелеп.

Мне быть счастливой не пристало.
Ты прав. Накину чёрный креп.
Весна украсила вертеп
И соловьём, и розой алой.

А рядом, в этом мире странном,
На солнце тихо греет раны
Змея, влюблённая в мангуста.

Жизнь распадается, как атом.
Зачем же радостно и свято
Я верила тому, что пусто.

*
* *

Кладбищенская жажда жить...
Быть веточкой, цветком, дорожкой.
Мне, исчезая понемножку,
Любовник предлагал дружить.

И, взвесив чаши сладких нег
И божьего благоволения,
Он излагал азы терпенья
Той, что терпела целый век.

Размыт жестокости предел.
Меня пугает совершенство
Дерев, стремящихся к блаженству,
И дрожь неистовых их тел.

Но танец света с ветром свят.
Нет в невесомости паденья.
В аллеях лёгких стынут тени
И памятников строгий ряд.

А т т и с

Смешны в декабре искушения лета.
Спит бронзовый век за хребтом Триалети

На чёрных курганах застывшего плато.
Секунда в секунду приходит расплата

Безумной тоской до седьмого колена:
Мой Аттис, зачем твоё тело нетленно?!

Зачем на осле не везли меня голой?
Уж лучше б твой нож перерезал мне горло,

Проклятье исторгшее в ревностных муках.
Как сладок твой рот! Как теплы твои руки!

Желанье моё не залить океаном,
Но им не прикрыть твою жалкую рану.

Зачем?! О, позволь мне начать всё сначала!
О вечном тепле мне зима рассказала...

Сейчас я зажгу поминальные свечи.
И сжалится Зевс. И назначит день встречи.

В том мире иль в этом – какое мне дело! –
Обняться с тобой, чтоб душа отлетела.

Как платье, к ногам твоим сбросить кокетство.
И спать безутешно и сладко, как в детстве.

*
* *

Мой ласковый свет –
Оазис в пустыне –
По чёрной росе
Шагами пустыми
Иду я к тебе,
И теряется след
В примятой траве,
Где губы остыли.

На Земле

Ещё ему мои открыты двери...
Но мне так ясно – нынче сердце врёт!
Была его женой я на Венере.
Он до сих пор туда меня зовёт.

И зябко мне в тени прохладных прерий.
И снится голубой горячий лёд.
Здесь, на Земле, он требует лишь веры.
А я люблю. И дням потерян счёт.

Немыслимо беспечному апрелю
В предчувствии беды прервать полёт.
Он в тот же день, когда ему поверю,
Предаст, ещё петух не пропоёт.

Театральный сонет

Так и живём, друг друга пожирая,
С великой верой в торжество добра.
Мне жаль всех тех, кому цвести пора,
И меньше – тех, растерянных, у края.

Суфлёр стареет. Не идёт игра.
На сцене мрак и тишина сырая.
Как залу объяснить – я не играю.
Я здесь живу. А вам домой пора.

Спасаясь от бесчисленных тиранов,
Увы, не слёзы, каблуки стираю.
Успеть бы за последние семь лет,

Уже не веря в совершенство рая,
Сказать, как пахнут розы, умирая.
И как я одинока на Земле.

*
* *

Мне на заре призналась кошка,
Что душу б отдала за ласку...
А небо растворяло краски
И синькой сыпалось в окошко.

И облако за тёплым ветром
Вслед так отчаянно летело!..
Дух ликовал, сливаясь с телом,
Чтобы сгореть легко и щедро.

И ты простил мне чёткость линий
И красоту невинных строчек,
И злобы спутанный клубочек
В глазах моих, когда-то синих.

*
* *

Если заплачу –
Крылья промокнут.
Метит мой мячик
Яростно – в окна!

Песня осколков,
Вопли старушек...
Господи, сколько
В мире игрушек!

Разве им больно?
Разве посмеют
Молвить: – “Довольно!”

Осенний сонет

Ночь дождиком стучать устала
В тамтам оконного стекла.
Когда-то кровь во мне текла.
Была она безумно алой.

Но смолodu я сберегла
Честь. Платье тоже не пропало.
Как долго я жила! Как мало
Я в жизни видела тепла...

Всё чаще хочется не быть.
И прячу за вечерним чаем
В глазах огонь другой судьбы:

От дыма пьяные столбы
Посмевших с вечностью венчают
Под равнодушный вздох толпы.

*
* *

Ветер тучи рвёт устало...
В день седьмой тебя не стало.
Видно, сердце из металла –
Не разорвалось.

Что ж, дыши... С тебя довольно!
Будь с ней счастлив. Мне не больно.
Пусть никто твоих невольных
Не увидит слёз.

*
* *

Пруд отражает небо,
Деревья, облака.
Прошёл ты, будто не был,
И врешь издалека,

Что дно – темно, безумно!
По линиям руки
Очнутся ночью лунной
Пиявки, пауки.

И не успеешь охнуть –
Окрутят и сожрут.
В глубинах – очень плохо.
А дома – чай, уют.

Как сладко, в окна глядя,
Воспоминанья мять...
Пруд отражает гладью
То, что могу понять.

*
* *

Случайно родиться на этой Земле
Котёнком, крысёнком, ребёнком...
Молочным комочком беспомощно млеть
Под призрачным маминым боком.

Отчаянно правила жизни учить,
Барахтаться в тёплых ладонях.
Знать тайну: в огне не сгорают ключи,
И солнце в воде – не утонет.

Упорно не верить в разлуку и смерть.
Смеяться, пищать и мурлыкать!...
...Трепещет от жалости серая сеть
В сиянии грозного лика.

Семейный сонет

Лери Гиголашвили

Атлантида исчезла. Империи пали.
Мир трепещет опять у запретной черты.
Я за целую жизнь с тобой не исчерпала
Золотого запаса твоей доброты.

Дети выросли, жить нам осталось так мало.
Муза плачет – полдня я стою у плиты.
От фантазий моих весь седой и усталый,
Как солдат, стойко шутишь за ужином ты.

И бредём мы с тобою тропиночкой узкой,
Ты – в заботах о славе поэзии русской,
Я – о пенке сбежавшего вновь молока.

Если я упаду, ты мне сказку расскажешь
В переводе на русский с норвежского. Я же
По-грузински читать не умею пока.

Ж а н н а

О, девочка, ну кто б тебе поверил!..
Кто латы дал тебе, коня и меч
За сладкую, как сон ребёнка, ересь –
Когда-нибудь в ладони Бога лечь?

Пока ты на коне – толпа ликует.
Все за тобой – и в воду, и в огонь.
Ты поминаешь имя божье – все.
И не бессмертен твой безумный конь.

Остановись!.. Или поймёшь однажды,
Вдыхая горький дым горящих трав:
Всё, что не свято – дайте срок... – продажно.
И слабый – виноват. И сильный – прав.

Сонет

Дочка пела. Капал дождь.
Виноградники делили
Алазанскую долину.
В мире побеждала ложь.

Где нарву я белых лилий,
Если завтра ты придёшь?
Вынесла б аккордов дрожь,
Да мечтанья утомили.

Ночью, как глаза закрою,
Вижу дерево сухое
На церквушке за окном.

Дремлет чистый лист в конверте.
Я б хотела после смерти
Стать в твоей руке – вином.

*
* *

Уже на самом краюшке
Забывтый голос бабушки:
– Баю-баюшки, баю,
Не ложися на краю...

Как любила, как хранила!
Загодя предупредила.

Только зря всё это было.

Вверх, хватаясь за перила,
Не карабкалась – парила.

Повторилось, как ни билась.
Так же, как она – разбилась.

Вдребезги.
В бред. В пески.

И вдруг в пустыне, на краю,
Я слышу: – *Баюшки-баю...*
Горько плакать – сладко спать,
Завтра будет день опять...

К а и н

Хочу, чтоб ты всегда лукавил.
И требую, чтоб ты – не жил.
Пролить кровь алую из жил
Твоих, о, мой бесценный Авель!

Держусь я из последних сил.
Мне не постичь нелепых правил.
Посеял ты. Господь добавил,
Суд праведный меня взбесил.

Стою, тоскуя, на краю,
Что мы не встретимся в раю,
Я – ревности кромешный пленник.

Как жить мне без тебя, брат милый?!
Пустыня... И твоя могила.
И семь веков до искупленья.

*
* *

Вчера нас старость
Поймала в сети.
На целом свете
Одна осталась.

За всех в ответе –
Я так старалась!
Одна осталась
На целом свете.

Но сквозь оконце
Ласкает солнце
Мой бедный лоб.

Хочет ветер.
А день так светел!
И Бог так добр...

*
* *

Как больно резать по живому!
И запоздало понимать
В одном шагу с обрыва в омут:
Я – не жена, не дочь, не мать.

Я – птица малая. Ассарий –
Цена мне. Я вам буду петь
Обрывки из небесных арий.
На кровлю дайте мне взлететь!..

И с этой высоты убогой,
Предельно напрягая клюв,
Я попрошу живого Бога
Хранить вас. Ибо вас люблю.

*
* *

Я знаю, кто меня прощает.
И чья печаль по мне легка.
Как встарь, дождя не обещают
Чуть перистые облака.

Ну кто б ещё смог так утешить!
И так любить из далека...
И жизнь – как сон. И я безгрешна,
Как вдаль бегущая река.

*
* *

Качнётся вдруг планета,
Не в такт вздохнёт фагот,
Я, как Антуанетта,
Взойду на эшафот.

Скажи – моя до тризны.
И чудом назови.
Ещё секунда жизни!
Ещё глоток любви!

Да светится беспечность
Беспутному в пути!
Как сладко падать в вечность
Мне на твоей груди.

Пусть скатится головка
В кудряшках – не спасти...
В рай ангелу неловко
Распутницу вести.

И будет всё, что было:
Страсть, вероломство, месть...
В последнем вздохе – *милый!*... –
Моя погибнет честь.

Отчаянный сонет

Я пленница своих творений,
Я кладезь образов и слов,
Я дерево, где корень – зло,
А листья – свод благословений.

Не пощадив твоих основ,
Не услышав твоих велений,
Цвету в тени твоих селений,
Упрямая, как сто ослов.

И пусть пророчат мне беду
Оград узорчатые метры,
Прибитая дождём и ветром
К земле, я всё равно уйду!

Да, нет мне оправданья, милый.
Мной правит сила – выше силы.

З а в т р а

Завтра я тебя увижу.
Знаю – невозможно ближе,
Если небо рядом дышит.

Завтра – невообразимо! –
Розы на воротах Рима
Скажут мне, что счастье – зримо.

Завтра – будущего бремя,
Где, подтягивая стремя,
Прорастёт разлукой время.

*
* *

Ты улыбался...
И шелестели волосы ветра
В солнечных пятнах.
Ты улыбался
Розе в стакане, ясности спектра,
Яркому платью.
Ты улыбался?
Белый кузнечик таинство речи
Слушал ревниво.
Ты улыбался
Мести, упрёкам, радости встречи.
Мне терпеливо
Ты улыбался.

*
* *

На безумном холсте два тела
Начертила углём и мелом.
И, наверно бы, не успела
Победить кокетство и лень.
Но случилось, что кто-то мудрый
В мою баночку из-под пудры
Просто спрятал вечер и утро,
Чтобы встретились – ночь и день.
В зеркалах я осталась прежней.
Не заметил никто, как нежность
Небосвод проросла небрежно
И дала мне бессмертия тень.

Разлучный сонет

Расстаться – легче умереть!
Отнять у моря тёплый берег.
Разбить слепца святую веру
Прозреть на утренней заре.

Неотвратимо зреет ересь,
Коль ты – овца на алтаре.
Скребётся, словно мышь в норе,
Рассвет, зеленовато-серый.

Так обними меня скорей!
Пусть Бог грозит нам высшей мерой.
Не каждому дано проверить
На прочность душу в декабре.

И, постигая смерти суть,
В зрачках, как в космосе, тонуть.

*
* *

Ночь глубока и печальна.
Гасит шаги тишина.
Обречена изначально –
Тень, отголосок, жена...

Славься, пречистая тайна
Солнечного волокна!
Выросла тёплая пальма
В чёрном квадрате окна.

Господи! – сердце на части –
Вымолила благодать
Сладкого женского счастья –
Мужа заблудшего ждать.

*
* *

Вода струёй текла по телу
И страстно слиться с ним хотела,
Остановиться не умела
И пылью падала к ногам.

Я песню о любимом пела.
Я губы целовала смело.
Но удержать я не посмела –
Он мчится к дальним берегам,

Чтоб двадцать лет разлука съела.
Просила выслать вишни спелой.
Сказать о главном не успела:
Что вечно мой он, здесь и там...

А п р е л ь

И сладко, и больно, и славно,
Что словом не скажешь о главном.

Вдруг солнце струится по жилам –
Пульс в горле: мы – живы, мы – живы!

И сердце отчаянно слышит
Набухшие за зиму крыши.

Тугие весенние почки
Бесстыдно раскроются ночью.

И надо на свадебном ложе
Запомнить, как милостью божьей

Замёрзшую землю согрела
Пречистая тайна апреля.

Как все

Когда сказал ты обо мне: – “Вы все...”
Все те, что – из ребра, и что – из грязи.
Я не клялась. Я согласилась сразу.
Жила, смеясь. И плакала во сне.

Мы все любили, верили и гибли.
Нас предавали, продавали, стригли
И забывали, что всего страшней.

В конце смогу, как все, без лишних вздохов,
Сказать, перекрывая сердца грохот:
– Сегодня ветер. Не забудь кашне.

*
* *

О, знал бы ты, какая лень,
Какая дикая усталость,
Какая синяя сирень
Мне в мае от тебя остались!..

Шли тигры молоко лакать,
Рычали львы, скакали кони,
И голубые облака
Вновь плакали на подоконник.

Для тех, кто любит – смерти нет.
Вовеки всех веков не сгинут
Сиянье храма Ашторет
И детское лицо богини.

Счастье

Счастье – синяя птица! –
Я лечу за тобой,
Забывая молиться.
Каждый день – словно бой:
Удержать, зацепиться,
От унынья отбиться
И забыть злые лица
Завтра преданных мной.

Одиночество

Тонуло небо в лунном столбняке.
Ты всё искал какой-то довод веский.
Испуганно дрожали занавески
На ледяном от грусти сквозняке.

Мешал мне плакать чей-то голос резкий
И вышитая роза на платке.
За окнами бежали налегке
Поля, холмы, дороги, перелески...

Устало билась жилка на виске.
Там, где была душа – зияла рана.
И кончилась земля у океана
Пригоршней грязи в золотом песке.

А в тёплой глубине тяжёлых вод
Акулы спали рядом и вразброд.

О неспособности верить

Мой потрясённый город, весь в руинах...
С морщинистыми веками старух.
В толпе я с небом говорила вслух
И видела твоё лицо в витринах.

Мечтам моим земля была, как пух.
А боль тонула в поминальных винах
И растворялась в равнодушных спинах.
Дорога мести превратилась в круг.

Поспешностью решающего хода
Король убит. И пешке нет исхода –
К руке припасть и Королевой стать.

На лёгких крыльях веры, как на троне,
Вдруг осознать – любое сердце тронет
Посадка головы, походка, стать.

*
* *

То не небо дождями набухло,
Не Арагви сметала селенья,
Не обвалы крушили дороги –
Это я проклинала тебя!

И не травы ломались под солнцем,
И не ветер выл волком в капкане,
И не птицы кричали прощально –
Это я вспоминала тебя...

А сегодня я вымыла окна,
Накормила бездомную кошку,
Не спеша, прочитала молитву –
Это я разлюбила тебя.

*
* *

Время распустилось, как цветок,
Обозначив грани увяданья.
Я похоронила три желанья
Под горой. Ногами на восток.

Не домашним было то заданье,
Но пришлось мне выучить урок:
На Земле всему назначен срок,
Бесконечно только – ожиданье.

Е в а

Л.Д.

Округлостями льнёт. Умом не блещет.
Слегка презрительное: – “Се ребро!”
Её в душе всегда считал ты вещью...
Вторично серебро.

А древо жизни соки пьёт из грязи.
И глина – грязь. Не потому ль чиста,
Что из ребра? И слёзы – как алмазы.
И замкнуты уста.

Я знаю

И что я знаю о тебе
Спустя тринадцать лет?
Что ты подлец. Что ты поэт.
Что ближе в мире нет.

И что я знаю о себе
Уже на склоне лет?
Предназначенье тьмы есть свет.
Я – тьма. А света нет.

И что я знаю о судьбе,
Прокладывая след
В сорвавшийся с небес Тибет –
Нагроможденье бед?

Не знаю, есть ли смысл в мольбе,
Когда над телом – плеть?!
А выбор прост: семь дней гореть
Иль девять жизнью тлеть.

Но, обречённая в борьбе
Сломать слепую клеть,
Я знаю, побеждая смерть,
Одно – я буду петь.

*
* *

Елене Косцынич

Сказала вслух – как страшно жить!
Как безнадежно поздно.
Сбивают ласточек стрижи
И разоряют гнёзда.

Цветёт под окнами левкой.
Хурма беспечно зреет.
Терять уже почти легко.
Присвоить – всё труднее.

А во вселенской суете,
Бесстрашно и невинно,
Свет, дерзко возрождая тень,
Льёт праздничные гимны.

Приговор

Предателю и кесарю
Отмерено, отрезано.
Семь бед – один ответ. Но след
Останется на сотни лет.
Сегодня я – по ниточке...
А ты с утра – ножи точить.
Тринадцатого, в пятницу,
Навек наш день закатится
В чужую ночь, где за гроши
Мне из овчинки небо шить,
Где будешь, бога ради, ты
Просить – подайте радости!
Предателю и кесарю
Отмерено, отрезано.
Самой судьбой и крысами,
И кораблём подписано:
Глухонемыми тропами
По сгорбленным окраинам
Осуждены до гроба мы
Кружить – потомки Каина.

Третий день

Паоле Урушадзе

Башня, чёрная от страха,
На горе, у белой церкви,
Ты запомнила день первый,
День бравурный, день с размахом!

День второй, вчерашний, нервный,
Растворился в фуге Баха
И погас в руке монаха
В пламени свечи вечерней.

Третий день, срединный, важный,
Предсказал седьмой отважно.
И поэтому о нём

В небе, солнечном и лунном,
Утром третьего июня,
Пели птицы за окном.

*
* *

Я не умею шить. И предавать.
Как бабушка, я застелю кровать –
Ни складочки и лёгкая фата
(О, боже мой, какая красота!)
На двух подушках, белоснежно взбитых,
Из нежности и слов, давно забытых.

И жёлтая печаль уйдёт сама.
Сизифов труд – таких, как я, ломать

Зимний сонет

Горит изношенный декабрь
Предновогодними огнями,
И скрипкой в ресторанном гаме
Летит подвыпивший Икар.

Наистрашнейшая из кар –
Жить неразгаданными снами,
Где всё, что происходит с нами,
Предрешено, как календарь.

Вишу, живучая, как кошка,
На кончике последней фразы.
И в этой ледяной крошке,

Почти чужой, смеёшься ты...
Уходит год, обезобразив
Прекрасное лицо мечты.

*
* *

Утро грустно пахнет чаем.
Каждой клеточкой скучаю,
Я скучаю по тебе.

Тщетно шепчет снег случайный.
Тишина не отвечает.
Я скучаю по тебе...

Заполонена печалью,
Исчезая, истончаясь,
Я скучаю по тебе?

В зазеркальном серебре
Гаснет птицы крик прощальный.
Я скучаю по тебе!

Сонет о бесконечности

И снова холодком подуло
Сухим с заоблачных высот,
Как будто в ярко-алый рот
Судьба уже вложила дуло.

Что ж, за столом, где у ворот
Небесных мне не хватит стула,
Вздохну – как сладко я уснула,
Забыв тебя и весь твой род.

Последнюю слезинку вылью.
И в сотый раз за звёздной пылью
Сквозь облаков седые космы
В твоих зрачках увижу космос.

Слепую сущность бытия
Рвёт бесконечность – ты и я.

“Грустный вальс” Сибелиуса

Ане Шахназаровой

Закружит, над землёй приподнимая
В воронке встреч, оранжевых, как мысли
На берегу заката, и, обвиснув,
Уронит в бирюзовый запах мая.

Вопросом всхлипнет привкус яблок кислых
В глазах актрисы. Вечная немая,
Застывший грим старательно снимая,
Вздохнёт полночно – ни чужих, ни близких...

И только вальс на площади Свободы,
Спектакль «День прошедший» завершая,
Высокой нотой подвиг совершает.

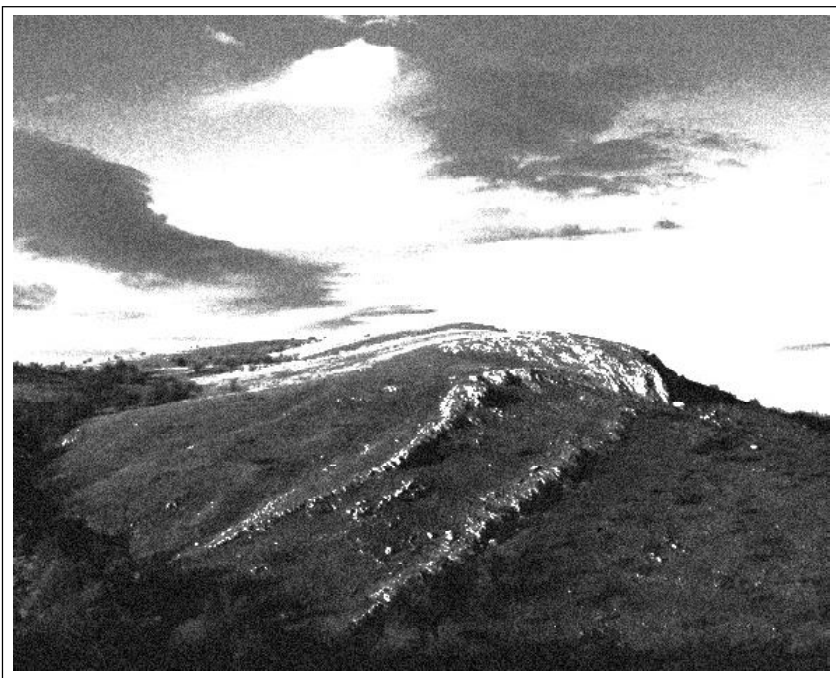
Сонет из третьей книги

Беспечна, как прошедшая весна,
И беспредельна, как жара в июле,
Кладу в затвор серебряную пулю,
Чтобы в упор: что есть прекрасней сна?!

И снова слышу сладкие посулы.
А в голубой воде дрожит блесна
И отражённо падает сосна.
В ней заблудившись, вместе мы уснули.

Нам снился рай, который навсегда.
Так пахнет мишура, когда беда.
И мне не надо ни тебя, ни рая.

...А ты, платком мне слёзы утирая,
Смеялся: жизнь – один апрельский день,
Где для нарцисса дождик, солнце, тень.

Диоген

Посвящается Д.Г.

1

Привет, старик! Я на горе – в норе.
Внизу стоит прекрасная погода.
Вот только сердце давит в декабре
Вся тяжесть года.

Вся тяжесть дней, сухих, как календарь.
Недель, проросших сорною травой.
...Сейчас проснусь я, вот рука – ударь!
Или завою...

Да, кстати, прав был этот фарисей,
Что первым обозвал тебя собакой.
Вас мало. На Синае Моисей
Нам пудрит баки.

Нас надо удивлять. По глади вод
Идёт Иисус... Иначе не поверим.
Вы – служите! Но до сих пор наш род
Во власти Зверя.

Вчера один хороший человек
Мне матом объяснил мою натуру.
Я предала и продала свой век,
Спасая шкуру.

Моя гора шаталась. Пыльный звон
Сводил с ума. Я по дороге к Богу
Считала мелочь в кошельке – резон
Мне быть убогой.

2

Но это всё пустое... Я ждала
Тебя весь век. И знай – за эту встречу
Души своей простой не отдала б,
Но жизнь... – нет речи!

Зачем – тебя? Затем, что одинок
Ты в бочке так же, как и я – в квартире.
Затем, что ты не выучил урок
По стрельбам в тире.

Затем, что пела синяя волна
И, белым гребешком тебя касаясь,
Сникала. И стирала письма
Свои Косая...

Из ядов яд – голодная слюна
Не сокрушила дух твой. Пробиралась
К тебе под утро полная луна,
И песня ткалась.

И таяла тумана полоса
В прозрачной дымке тёплого рассвета.
Всю ночь ждала песчаная коса
Ноги Поэта.

Мне это не дано. Я – на горе,
Сухой и жёсткой. В ковылях, в полыни.
И горечь на губах. И не гореть
Душе огнь.

3

Моя гора, ты – горе, не гора!
Нет скал отвесных. Нет полёта. Скука.
Плешивая, тебе пришла пора
На крест и муку.

Была ты доброй и простой горой.
Шиповником цвела, пасла овец.
К тебе не шли полуденной порой
Поставить свечек.

Рай птичкам, мышкам, паучкам, сверчкам...
Да это превращение – измена!
Ты приняла меня, струхнув слегка,
И Диогена.

Смешная, право! Ты – совсем, как я.
Мне тоже страшно без любви и веры.
Нам небо, золотое по краям,
Дано без меры.

4

Дай руку мне, горячую сквозь смерть.
Старик, ты знаешь, что такое – небо...
Полёта, звёзд и света круговерть –
Не надо хлеба!

Раз отхлебнувший этого винца –
Приговорён. Безумием сияет
В его глазах тень брачного венца.
С кем – сам не знает.

Все разговоры – лишь игра ума.
Ты одарил меня – прикосновеньем!
Злей молнии века пронзает тьма
И рвёт мгновенье.

Безвременья тоской обожжена,
Пью ритмы сердца, поступи, дыханья...
Не мать и не сестра, и не жена.
Что нам названья!..

Ты мне – один. И я тебе – одна.

5

Днём – с огнём,
Всё – о нём.

Ночь – в огне,
Снишься мне.

Чья вина?
Я – одна.

Ты – один?
Господин!

Пропасть – страсть,
Чтоб пропасть.

Чтоб упасть
Зверю в пасть.

Быть, не быть –
Не забыть!

Чья казна –
Не узнать!.. –

Заказать
Эту казнь:

Не простить –
Прорасти

Крапивой
В боль и вой.

И родить –
Не кради...

Упади...
Пропади...

Но усвой:
Не присвой!

Я боюсь.
Я молюсь.

Не таю:
Я – в раю.

А душа –
Хороша!.. –

Всё о нём!
Днём с огнём.

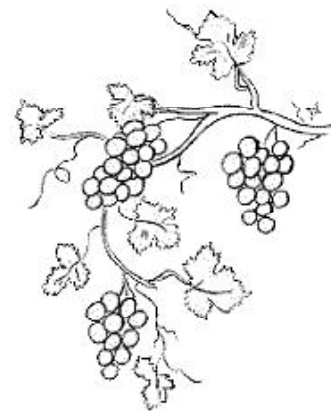
6

Бог запечатал тайну бытия.
Искать её опасно и напрасно,
Пока хватает хлеба и питья
Под небом ясным.

А книга книг – ночная россыпь звёзд,
Исполненная сладостной печали...
Безумие искусства в полный рост!
Любви начало –

Вселенная...

Переводы с грузинского

Из Галактиона Табидзе

Вновь эфемера

Над кипарисом, где тайно и пышно
Пиршество злое природа вершит,
Царствует ветер – незрим и неслышен,
Властной рукою касаясь вершин.
Узкая клетка молчания – стопы,
Небо пустое – его потолок,
Снова и снова ломается тополь
Лишь потому, что он слишком высок.
Хрупкая участь поэта – невинно
Пасть от жестокой руки высоты.
И не цветы под ногами, а – глина
Лживых свидетельств и грязь клеветы.
Но для него, там, где выше и выше
Звон колоколен на помощь спешит,
Царствует ветер – незрим и неслышен,
Властной рукою касаясь вершин.
Сбылся Париж, обители гурий,
Стлался полей Елисейских атлас.
Молнии ярче, внезапно, как буря,
Женщина в жизнь его – ворвалась!
В щелях беспамятства вспыхнуло пламя,
Путая суетность с сутью вещей.
Ввысь поднимая безумия знамя,
Женщина ветром носилась в душе.
Вдруг сорвалась и глазами раскосыми
Рухнула роща, как конь с высоты.
Воды сомкнулись над чёрными розами
Смерти кругами бездонной беды.
Пена морская – любовь... Тень озябла.
Молнией выжжена пошлость и грязь,
Чтоб эпитафию высекла сабля:

«Женщина в жизнь его – ворвалась!»
И Паганини... Он скрипку роняет,
Слыша каприччио в рокоте волн.
Сцена надеждами вновь озаряет
Ноты расстроенных флейт и валторн.
Нем Паганини. Струна безнадежна.
Но наступает прощания час...
Женщина плачет так тонко, так нежно,
И хризолиты струятся из глаз.
Узкими пальцами трогает розу,
И, отразив торжество красоты,
В трещине зеркала рушится проза
И вырастает крыло высоты.
Ангелом рвётся из рук его скрипка,
В воздухе реют дворцы – всё она!
Льётся эфир, будто не было крика.
Тайна бессмертия разрешена.
Брызжут заводы слюною оголтелой.
Гений эпохи, Верхарн – новый Дант –
Ищет сляния стали и тела
В песне, играющий смертью гигант.
В беге колёс, исчезающих в паре,
Слышится хохот: – “Верхарн!..” – Впереди
Мир, погибающий в чёрном угаре.
С этого поезда нам не сойти.
Время совсем обезумело – скорость
Душит горячими пальцами тех,
Кто её создал. А каменный город
Требует новых и новых смертей.
На раскалённые рельсы Руана
Дунул невидимый ветер вершин.
Тополь сломался. Убили Верхарна!
Слава тому, кто свой подвиг свершил.
И Достоевский... Как будто сто казней,
Сто смертных казней, и ночь, и туман...

Ночь, и туман, и палач безотказный
Целую вечность сводили с ума.
Кто разгадает, простит и оплачет
Тайну печальную этой судьбы?
Смелость безумную мыслить иначе:
Ад – это есть невозможность любви.
Слишком большой, он не просит спасенья.
Скрыла лицо его облака тень.
Он уже знает, что смерть совершенна
И безобразна в своей наготе.
На эшафоте глазами он ищет
Пана в толпе. И доньине тот взгляд
Ум омрачает, опасен, как яд.
Царствует ветер – незрим и неслышен...

Осень в мужской обители
“Безгрешного зачатия”

Тот май, тот июнь, тот июль
Ноябрь перегнал и сдул.
И жгучая страсть прошла.
Дворец поглотила мгла.
Лишь светятся у воды –
В тон листьям – твои следы.
На книге подсвечник спит.
А в книге – безумный скиф.
Несу я его лицо
В обитель святых отцов.
У входа, как чёрный снег,
На голову – фрески след.
И строгого свода свет.
Спасения нет, нет, нет!
Разрушат колокола
Свою колокольню дотла.
Пустынные ветры мстят –
Ты помнишь меня... – Свят!... Свят!
Лавины листвы – след бурь.
Ты брови в тоске не хмурь.
Зря ворон сулит февраль
С креста колокольни, враль!
Я снова в плену огня,
Который хранит меня.
И пусть донесут Ему
Молитвы мои сквозь тьму:
Газеллы – поэт-апаш,
Перчатку – дворцовый паж.

Придёт... Но когда?

О, мечты очарованье!
Ты придёшь...Но скоро ль?
Мук любовных ожиданье –
Сладость без укора.

Лишь избранник твой услышит
Нежной доли лепет.
В жизни раз поёт – как дышит –
Белый, белый лебедь.

Нет, не счесть цветов у Денди
В королевстве Мона.
Ночью пьяный ветер бредит
Вздохом Трианона.

Вижу в зазеркальном срезе
Справа и налево:
Шуазель и Эстергези,
Я и королева.

И воспитанный, и властный,
Мой старинный, нежный
Стих, нечаянный, как ласка,
Сном смыкает вежды.

Только хрупкие фонтаны
И хрусталь Версальский
Краешком лукавой тайны
Мучают по-царски.

Королева! Конь мой синий
Ловит странной рысью
В синем лабиринте линий
Сильный ветер высей.

Рассыпает гриву трелью –
Дробью, дробью, дробью!..
Хлопя снежные в апреле,
Розовые хлопя.

* * *

Сегодня разноцветным маем
Над Оргачалой время реет!
И, как Иисусу – Галилея,
Тбилиси старый мне внимает.

И, так же, как его – Голгофа,
Меня Мтацминда ждёт упрямо.
Из рук твоих, о, Боже правый,
Я выпью яд за эти строфы.

Волновались...

Волновались красавицы в розах,
Сплетни тенью плетень оплетали,
И амурные рдели вопросы –
От стрелы, мол, спасёшься едва ли...

Дорогие, ответчу вам прямо я:
Об одной из вас – все мои книги.
И на дне её взгляда припрятаны
Гениальность моя и вериги.

* * *

Снег кутал зимние сады.
Несли мужчины чёрный гроб.
Трепали флаги цвет беды.
В пустыне боли, ветром ранен,
Путь был угрюм, уродлив, странен.
Опять несли мужчины гроб...
Вороны каркали захлёб.
Звони! Зови! В пустом тумане
Ещё один – на поле брани.
Снег кутал зимние сады.

На д п и с и

О, моя дорогая и нежная пери,
Верю в май, и нисколько не верю в мистирию.
В книжной мудрости – жизни, как в высохшей жерди.
Не хочу, господа, я такого бессмертия.
На тома разномастных невежд тратить время?
И без них справлюсь я с мировыми проблемами.

Однажды вечером

Над Батуми неслись облака цвета меди,
И плескалась под ласковым ветром вода.
Чуть потрёпанный жизнью, но всё-таки денди,
Корабля ожидая, рассказывал так:
Помню юную женщину, взгляд её смелый,
И такой же, как этот, летящий закат,
За оградой плоды золотые висели,
Там людьми и оркестром пульсировал сад.
Нимфа морщила лоб: ни знакомых, ни встречи...
В облаках одиночества я разглядел
Затаённым желанием пьяные плечи
И покорность – отмеченных Богом удел.
Верони́ка, Веро́ника, Верочка, Вера –
С полотна Веронезе сошедшая вниз.
В кабачках пили мы дорогую мадеру
И отчаянно резались в пульку и вист.
А потом понеслось... Небеса Петрограда
Отражённо дрожали в холодной воде.
Жизнь отдал бы за пьяную искорку взгляда!
Где искать тебя, Вера, Веро́ника – где?..
Падал день, как помятый платок из кармана.
Я стоял на мосту, отрешённо ничей.
И – насмешка мечтам моим – вдруг из тумана
Вышла женщина с чёрным ружьём на плече.
Я окликнуть хотел, но её окружали
Комиссары. Шагами их кончился мост.
И слова запоздалые в воду упали:
– Вероника! Вероника?.. – всплеском вопрос.
Вспоминал я её до вечернего звона,
Тосковал по родной виноградной лозе.
“Знаешь, страны чужие нас дарят короной
Одиночества сладкого, лёд – в бирюзе!..”
Верони́ка, Веро́ника, Верочка, Вера –

С головой погрузился в то время, когда
В кабачках пили мы дорогую мадеру.
Карты ввали, что горе – ещё не беда.
День второй. В скучной, мутной кофейне, под вечер,
Я услышал – и это сказала она:
– “Как любил он мои обнажённые плечи!
Никогда не пила я такого вина...”
Помолчала. Добавила: – “Власть наша будет
Крепче стали, опаснее зимней пурги
Для врагов. Станут праздником будни...”
И я понял: сегодня мы с Верой – враги.
Я не верил! – Веро́ника, Верочка, Вера!
Встречи день был, как дуб молодой на скале.
Это вечность – мы пьём дорогую мадеру –
Пусть придётся мне завтра в снегу околеть.
Третий день я жил там, где класс встал против класса.
Началась перестрелка. И белым был – я.
И дракон революции – серая масса –
Жёг сознание насмерть огнём бытия.
Слишком поздно увидел я в тусклом тумане
Мою Веру... Уж пуля пронзила мне грудь.
Но решив – перед смертью судьба не обманет,
Я взмолился: – “Веро́ника, милая, будь!..”
Оступилась. Нагнулась. Я думал – заплачет.
Окровавленный снег отразился в глазах.
Не узнала меня. Её звали иначе:
– Эй, Калужская Верка, встань! – кто-то сказал.
Романтический взор скрыла взглядом незрячим.
Изуродовал руки прекрасные труд.
Не узнала, конечно, а как же иначе!..
Горе стало бедой. Видно, карты – не врут.
Верони́ка! Веро́ника! Верочка! Вера...
Брань. Казармы. Расстрелы. Разбойничий свист.
А мы... пили тогда дорогую мадеру
И отчаянно резались в пульку и вист.

Из Тициана Табидзе

Танит Табидзе

Саламбо, ножкой голубиной
Привязана ты красной нитью
Век жить в течении глубинном
На дне погибшей Атлантиды.

Танит желала этой жертвы.
Пылает жертвенная ниша.
И Ганнибал предсмертным жестом
Ласкает меч, его сразивший.

Томленье сладостного плена.
Опустошённость чистых линий.
Спускают знамя Карфагена
К ногам поверженной богини.

Пусть плачут яблони Орпири
Под гулкий голос Мальдорора.
О, как светло в подлунном мире!
Но жаль, что расставаться скоро...

Ты спишь, не понимая песни.
Апрель. Второе. И мы – вместе.

Нине Макашвили

Конца туберкулёзная усталость
Тебе идёт. И нам любить осталось
Одну терцину старого сонета.

Шайтан-базар закрыл духанов губы.
Плывёт луна, тяжёлая от трупов
Самоубийц. А ты – как пламень лета!

Ещё мы встанем на мосту Мухрани,
Чтоб утопиться. А пока – живём.
И Родина-паук на поле брани
Нас пощадит, чтоб завтра съесть живьём.

За что мы чтим её самозабвенно?!
Здесь каждый смерть разлуке предпочтёт!
Я вижу морг, где нам разрежут вены,
Чтобы потом оказывать почёт.

О мучениках белых Атлантид
Пусть молится прекрасная Танит.

Из Паоло Яшвили

Письмо Елены Дариани
Анне Ахматовой

Я тебе соболезную –
Умер Блок.
Каждый перед болью злою
Одинок.

Приезжай! Как две сестрицы
Будем мы.
Сбрось агонию столицы
И зимы.

Летние сады Мтацминды
Скроют нас.
Померанцевого принца
Бог не спас.

Вас туманы обманули,
Каторжан.
Здесь – Испания в июле!
Приезжай!

У меня судьба другая...
Кто поймёт?
Солнце глянцевого края
Щёки жжёт.

Сладко на груди Тамары
Спит валун.
Подарю тебе над Джвари
Девять лун.

* * *

Устало
запястье
От яркой
коралловой
Цепи.
Я в пасти
удава.
И он
меня любит
И лепит.

Устало
запястье
От жаркой
коралловой
Цепи.
То режет
на части,
То в честь меня
служит
Молебен.

Устало
запястье
от жалкой
коралловой
Цепи.
Невольники
страсти,
Мы прокляты
Богом
Навеки.

Елена Дариани пишет
просто и сбивчиво.

Должно быть, ночью будет ветер.
Мой муж опять ушёл к певичке.
Ко мне вернётся на рассвете.
Не плачьте, алычи-сестрички!

Давно уж в пламени камина
Горят мои девичьи грёзы.
Обед приправлю горсткой тмина.
Цветут... Ох, не было б мороза!

Притащит утром он гребёнку
Моей соперницы несчастной.
Даст бог, рожу ему ребёнка.
Иль разорву его на части.

Прикажет строго: – Дай напиться
Мне из персидского кувшина.
И сладко скрипнет половица
О том, что в доме есть мужчина.

Я славная жена, наверно.
Он целовал меня сегодня.
В ночь выброшу, уже не первый,
Вином облитый галстук модный.

А что он смелый – не жалею.
Мне потакать ему привычно.
Мой драгоценный, пьяный, вечный!..
Уснёт он раньше, как обычно.

Из Валериана Гаприндашвили

Море

Морю хочется быть мелким,
Как нежнейшая колибри.
Утром с маленькой постельки
Прыгать в радостные игры.

Море сбрасывает тяжесть
Волн громадных океану.
И во сне, от страсти влажном,
Видит ножку китайки.

Всё большое пахнет ложью.
И пиявкой в сердце – вечность...
От любви, наверно, можно
Каплей спрятаться в колечке.

Ощутить укол булавки!
Жить без славы и без цели.
Попугайчиком из лавки
Век раскачивать качели.

Но пришла со свитой фурий,
На воде чертила имя,
В маске, чёрной, словно буря,
Женщина с губами злыми.

Море взвилось, закипело!
Столб, закрученный, как Эйфель.
И себя не пожалело –
Стало королеве шлейфом.

Из Терентия Гранели

Я и Галактион

Был болен, умирал вчера.
Сестра сейчас, наверно, плачет.
Он – демон. Властелин пера.
Я – ангел. Всё во мне иначе.

Уже как будто бы вдали
Мой милый сад и день холодный...
В Галактионе – свет Земли.
Небесный луч – мой братец сводный.

Врач рядом. Вечер. Смерти нет.
И ночь со мной поступит честно.
В Галактионе – синий цвет.
В моих стихах сияет бездна.

Был болен. Умирал вчера.
Сестра сейчас, наверно, плачет.
Он – демон. Властелин пера.
Я – ангел. Всё во мне иначе.

Весенний вечер

Вечер сияет пасхальным яичком.
С ветки на ветку прыгнула птичка.

Таёт душа в ожиданье полёта.
Незабываем единственный кто-то...

Тянутся к небу длинные ночи.
Радость больная тело источит.

Вот и готово новое зелье!
Луна устала смотреть на Землю.

Вечер сияет пасхальным яичком.
С ветки на ветку прыгнула птичка.

Мольба о полете

Секунда восторга,
Привычная мысль:
– О, Боже! Из торго
Умчи меня ввысь...

Где руку вверх поднял
Грех твой в небеси,
Безумствуй – сегодня!
Сам завтра – спаси.

В неистовом вальсе
Пространство гудит.
О, Боже! На Марсе
Меня разбуди.

Служу панихиду
Я – сад твой пустой.
Прости мне обиду
И сном удостой.

Из Лиу Стуруа

С О Н Е Т Ы

О разных рёбрах

Ребро болело. Смесь из розы с ядом
В бокале на невидимом столе,
И время, и пространство одолев,
Учила роль мою – всегда быть рядом.

Ни имени не знать, ни одеянья.
Водить тебя по голубой траве
С венком на непорочной голове.
Но тихо зрело тайное желанье,

Чтоб ты постиг, как плохо без меня,
Взял лук тугой и оседлал коня,
Увидел смерть в глазах у кроткой лани,

Ночь чёрную, подушки мягкий свет,
И утомлённый ласками рассвет,
И золотое яблоко познания.

Ожидание

Всю зиму деревья меня ненавидят.
Напрасно я брежу зелёным теплом.
Одна я. И сахара сладкий апломб
Мне гадок. А соли святое наитье

Царапает горло. И слово гранитом
Надгробным молчит. И пронизан мой дом
Бессрочным туманом и ветреным льдом.
В нём белый шаг мамы над вазой разбитой.

В нём тени другие, забытые мной,
И чёрного города облик иной:
По узенькой улочке, солнцем облитой,

Идёшь ты. И белый миндаль за спиной.

Сонет в зеркале

Стих – это не изображение жизни.
Сонет – не очерк. Он, скорей, Нарцисс!
Ему нужна река с теченьем вниз
И отражение – предтеча тризны.

К кому прикован насмерть ты любовью,
Сонет мой? Чья коварная рука
Невыносимый облик двойника
Так утончённо заострила болью

И, погубив, бессмертие дала?
Кого скрывают гладью зеркала?
Кто так прекрасно дик, так щедро вечен?

Скажи, чьи это худенькие плечи
Противу мненья общего стоят?
Храни нас Бог!.. Я вижу – это я.

* * *

Как сладок лени мёд в конце войны!
Им приправляю бархатную кашу
Из молока и солнца в синей чаше
Прозрачных сумерек моей вины.

И правду, горькую, как чёрствый хлеб,
В ней размочив, старательно глотаю.
И, онемев, отчаянно латаю
Прорехами зияющий рассвет.

Но ваши похвалы – всё та же брань!
Бог мой, какая золотая грань
Меня от прочих смертных отличает...

И вновь меня спасает терпкость чая,
Овечий сыр, просоленный насквозь,
И “Витязь” мой при свете красных роз.

Безнадёжность

Отнял всё. Только времени – много.
Взорван замок. И снова мы врозь.
Память – шип из букета тех роз,
О которых просила я Бога.

Сколько слышала слов я лихих!
Но такого не знала затмения...
Продаются сегодня за деньги
Раны в сердце, любовь и стихи.

Сватовство или хоть – обещанье!
Ничего мне не дал на прощанье.
Я пойму. Я не стану сердиться.

Пью за лень и за ясные лица
Рыжих рыцарей. Верю, что станет
Дождь – стеною, и солнце – убийцей.

След под дождём

Просыпаюсь – на голову рушится дом.
Паутинные дрязги. Хрустальные горки.
Мой театр конца, мне немислимо горько,
Умерев, возвращаться в привычный содом.

Кто меня навестит, нарушая обет?
Кто захочет мой яд, жизнь на горле вулкана,
Болтовней разноцветной прикрытые раны
И несказанным словом горчащий обед...

Кому нужен зарезанной курицы зоб?
Ничего не осталось. Лишь лёгкий озноб,
Когда в сумрачном пепельном смоге

Надо мною твой образ встаёт, словно рок,
И тоскующий взгляд, и последний упрёк –
Роза, выросшая на помойке.

Хочу, чтобы меня сожгли

С душой протилась – гостьей высших сфер.
Без света дом. А впереди – могила.
Плов поминальный, чей-то профиль милый,
Хлеб и вино – из области химер.

Нарядно рдел багряный интерьер.
Последнего спектакля пантомима
Не волновала. И, тоской томима,
Пересекла я огненный барьер.

Сжигало пламя ласково и страстно,
Даруя царство пепельной свободы,
Где боли нет, и где не властны годы.

И, как давным-давно, всё стало ясно...
В глазах ребёнка отразился город
И тень моя – кизилово прекрасна.

Телевизор – мой наркотик

Поверю, что дома тепло и уютно.
Сквозь синий экран в кокаиновом сне
Огромными хлопьями падает снег,
И я растворяюсь в сиянии смутном.

Тягучая ложь сериала заменит
Мне всё, что так ранит в реальности дня.
Мерцанием льда – гениальность огня.
И лёгким пасьянсом – святое знаменье.

Сто серий о сером желании жить
Не хуже других. Ты старался напрасно,
Господь мой! Пустыням нужны миражи.

...Но ночью проснуться смертельно опасно!

Мне странно

Спаслась от смерти. Радуюсь? Не знаю.
Не преступила чёрную кайму.
Но готику, что вырвалась во тьму,
Я с верой и свечой не догоняю.

Бумажные цветы вокруг. Кому?
Вощёная верёвка. Я, босая,
Во сне ступени серые считаю
И, мёртвая, бегу, бегу – к нему!

Меня спасли. Но, видно, сроки вышли.
Мысль странная мне голову томила,
Что из Тбилиси в рай – кратчайший путь.

Глаза открыть, и в этом смысл и суть:
В его руках пригоршня спелой вишни...
Но как проснуться – ведь меня убили.

Гамлет

Как ветер в окнах голову морочил!
Как пели нам цикады до утра...
Всё в прошлом. А сейчас – прожектора
Не вырвут из кошмара дня и ночи.

Мне выбрали театр, эпоху, позу,
Отчаяния маску – на века.
Косится зло атласная щека.
И принца речь таит в себе угрозу.

Но я *должна* любить его, пока
Во мне моя наивность не остынет.
Чтоб сорок тысяч братьев нам простили

Моё безумие и яд клинка.
Что скрою я цветочками простыми?
Кто мне поверит – зал или река?

Буколический сонет

Город, гарью бензина задушенный, ропщет.
Стены мрачного дома сжимают в тиски.
Но талант и природа, блаженно близки,
Как свечу, ставят небу высокому – рощу!

Её листья горят, как словами – листки.
Её кроны, как рёбра поэта, раскрошат.
Болью трав и деревьев пронизана кожа.
Распускаю я алых волос лепестки.

Дам обломок ребра для беспечной свирели
И с природой сольюсь в перламутровой трели.
Заведу я собаку, чтоб думать с ней вслух.

Пёс живую слюною залечит мне раны.
Топот белой отары разбудит нас рано.
Навестит меня ночью безлунной пастух.

Деревья

Я вас любила больше облаков!
Украсите мне листьями могилу
За то, что вас живой водой поила
Из родника, чтоб вы цвели легко.

Река текла безумно далеко.
К ней вырваться вам не хватало силы.
Вам, летом задохнувшимся от пыли,
Я открывала окна широко.

Я вас любила, лиственных и хвойных,
Цветущих и шуршащих в небе вольном.
Вы мне являли образ мысли чистой.

Нам не хватало воздуха и хлеба.
Но все мы выполняли волю неба:
Я – словом, вы – полётом, птичка – свистом.

* * *

В последнем акте этой жалкой пьесы,
Бездомная, беспомощно слепая,
Я со стены торжественно снимаю
То ржавое ружьё, что ты повесил.

Мой зимний сад, где кровь – как розы в мае!
Я вновь с тобой, ну что ж ты так не весел?
Так просто, как по лесенке, мы влезем
На небосвод, друг друга обнимая.

Каймой туманной обведут нам взоры.
Смягчат тот ад, где самовластно воры
Жгут книги и в смоле поэтов варят.

Остудит скрипка рвеньё труб стальное.
Помилуй их, Господь! А остальное
Пусть ветер унесёт, как запах гари.

Только музыка

Растрепавшийся локон поправишь.
Заломив непомерную цену,
Для тебя ветер сгонит на сцену
Километры мерцающих клавиш.

В тишине нервно скрипка заплачет.
Соло альты протянется к солнцу.
Струны стоном космических лоций
Хрупкость фарфора плеч обозначат.

И, забытая другом и небом
В жизни, тихо идущей на убыль,
Ты мелодией правишь упрямо.

Ничего не сравнить с этой негой!
Потому тебя музыка любит,
Нерасчётливо, нежно, как мама.

Содержание

***Снова в невесомости душа	3
С л о в о	4
Рождественский сонет	5
***В твоих глазах и точки нет от правды	6
Сонет о славе	7
***Не верь мне, что близится время потерь	8
***Узнала ткань цыганской шали	9
Мистический сонет	10
***Точка. Рядом дышит дочка	11
***Всё будет хорошо, любимый	12
***Столько нежности мне не вынести!	13
***Плачет чёрная царица	14
***Тебя и в самом деле больше нет	15
Сонет	16
***Молчи, любимый! Это сберегу.	17
***Почему мне так грустно?	18
***Прощай. Твой виноватый взгляд	19
***От зла и предательств смертельно устав	20
***Хорошо бы не проснуться	21
***Скошенным жалким перстом	22
***Мне не надо предлога	23
И ю л ь	24
Сонет	25
***Открыты ворота – беда с поворота!	26
М у з а	27
***Я упала с луны	28
Сонет	29
***Кладбищенская жажда жить	30
А т т и с	31
***Мой ласковый свет	32
На Земле	33

Театральный сонет	34
***Мне на заре призналась кошка	35
***Если заплачу	36
Осенний сонет	37
***Ветер тучи рвёт устало	38
***Пруд отражает небо	39
***Случайно родиться на этой Земле	40
Семейный сонет	41
Ж а н н а	42
Сонет	43
***Уже на самом краюшке	44
К а и н	45
***Вчера нас старость	46
***Как больно резать по живому!	47
***Я знаю, кто меня прощает	48
***Качнётся вдруг планета	49
Отчаянный сонет	50
З а в т р а	51
***Ты улыбался	52
***На безумном холсте два тела	53
Разлучный сонет	54
***Ночь глубока и печальна	55
***Вода струёй текла по телу	56
А п р е л ь	57
Как все	58
***О, знал бы ты, какая лень	59
Счастье	60
Одиночество	61
О неспособности верить	62
***То не небо дождями набухло	63
***Время распустилось, как цветок	64
Е в а	65
Я знаю	66
***Сказала вслух – как страшно жить!	67
Приговор	68
Третий день	69
***Я не умею шить. И предавать	70
Зимний сонет	71
***Утро грустно пахнет чаем	72
Сонет о бесконечности	73
“Грустный вальс” Сибелиуса	74
Сонет из третьей книги	75

Д и о г е н	77
Переводы с грузинского.	83
Из Галактиона Табидзе.	84
Вновь эфемера	84
Осень в мужской обители	87
Придёт... Но когда?	88
***Сегодня разноцветным маем	90
Волновались	90
***Снег кутал зимние сады	91
Н а д п и с и	91
Однажды вечером	92
Из Тициана Табидзе.	94
Танит Табидзе	94
Нине Макашвили	95
Из Паоло Яшвили.	96
Письмо Елены Дариани	96
***Устало запястье	97
Елена Дариани пишет просто и сбивчиво	98
Из Валериана Гаприндашвили.	99
Море	99
Из Терентия Гранели.	100
Я и Галактион	100
Весенний вечер	101
Мольба о полете	102
Из Лии Стура.	103
С о н е т ы	103
О разных рёбрах	103
Ожидание	104
Сонет в зеркале	105
***Как сладок лени мёд в конце войны!	106
Безнадёжность	107
След под дождём	108
Хочу, чтобы меня сожгли	109
Телевизор – мой наркотик	110
Мне странно	111
Гамлет	112
Буколический сонет	113
Деревья	114
***В последнем акте этой жалкой пьесы	115
Только музыка	116

МАРИЯ ФАРГИ

ВРЕМЯ ПОТЕРЬ

Стихотворения

Поэма

Переводы с грузинского

В сборник вошли стихотворения 1999-2009 годов

Редакторы – Михаил Ляшенко и Анна Шахназарова

Компьютерная верстка – И.Элиозова

Тираж экземпляров

Издательство
Тбилиси – 2009